

СЕРГЕЙ ПЛАТОНОВ РУССКАЯ ИСТОРИЯ

Сергей Платонов
Русская история

«Public Domain»

Платонов С. Ф.

Русская история / С. Ф. Платонов — «Public Domain»,

Творческое наследие русского историка Сергея Федоровича Платонова включает в себя фундаментальные работы по истории России, выдержавшие не одно переиздание. По его лекциям, учебникам и монографиям учились тысячи людей. В числе лучших и наиболее авторитетных профессоров Петербурга Платонов был приглашен преподавателем к членам императорской фамилии. В январе 1930 г. историк был арестован по обвинению «в активной антисоветской деятельности и участии в контрреволюционной монархической организации». Его выслали в Самару, где спустя три года ученый скончался. В Советской России труды С.Ф.Платонова находились под запретом. В этой книге можно познакомиться с взглядом Платонова на историю России периода Киевской Руси, время правления Ивана Грозного, Петра Великого, Екатерины II, Николая I и других российских монархов.

© Платонов С. Ф.

© Public Domain

Содержание

Введение	5
Предварительные исторические сведения	8
Древнейшая история нашей страны	8
Общественный быт древних славян	11
Киевская Русь	14
Образование Киевского княжества	14
Замечания о первых временах Киевского княжества	18
Киевская Русь в XI–XII веках	22
Колонизация Суздальско-Владимирской Руси	25
Влияние татарской власти на удельную Русь	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сергей Федорович Платонов

Русская история

Введение

Наши занятия русской историей уместно будет начать определением того, что именно следует понимать под словами «историческое знание, «историческая наука». Уяснив себе, как понимается история вообще, мы поймем, что нам следует понимать под историей одного народа, и сознательно приступим к изучению русской истории.

История существовала в глубокой древности, хотя тогда и не считалась наукой. Знакомство с античными историками, Геродотом и Фукидидом например, покажет нам, что греки были по-своему правы, относя историю к области искусств. Под историей они понимали художественный рассказ о достопамятных событиях и лицах. Задача историка состояла у них в том, чтобы передать слушателям и читателям вместе с эстетическим наслаждением и ряд нравственных назиданий. Те же цели преследовало и искусство.

При таком взгляде на историю как на художественный рассказ о достопамятных событиях древние историки держались и соответствующих приемов изложения. В своем повествовании они стремились к правде и точности, но строгой объективной мерки истины у них не существовало. У глубоко правдивого Геродота, например, много басен (о Египте, о скифах и т.п.), в одни он верит, потому что не знает пределов естественного, другие же, и не веря в них, заносит в свой рассказ, потому что они прельщают его своим художественным интересом. Мало этого, античный историк, верный своим художественным задачам, считал возможным украшать повествование сознательным вымыслом. Фукидид, в правдивости которого мы не сомневаемся, влагает в уста своих героев речи, сочиненные им самим, но он считает себя правым в силу того, что верно передает в измышленной форме действительные намерения и мысли исторических лиц.

Таким образом, стремление к точности и правде в истории было до некоторой степени ограничиваемо стремлением к художественности и занимательности, не говоря уже о других условиях, мешавших историкам с успехом различать истину от басни. Несмотря на это, стремление к точному знанию уже в древности требует от историка прагматизма. Уже у Геродота мы наблюдаем проявление этого прагматизма, то есть желание связывать факты причинною связью, не только рассказывать их, но и объяснять из прошлого их происхождение.

Итак, на первых порах история определяется как художественно-прагматический рассказ о достопамятных событиях и лицах.

Ко временам глубокой древности восходят и такие взгляды на историю, которые требовали от нее, помимо художественных впечатлений, и практической приложимости. Еще древние говорили, что история есть наставница жизни. От историков ждали такого изложения прошлой жизни человечества, которое бы объясняло события настоящего и задачи будущего, служило бы практическим руководством для общественных деятелей и нравственной школой для прочих людей. Такой взгляд на историю во всей силе держался в Средние века и дожил до наших времен; он, с одной стороны, прямо сближал историю с моральной философией, с другой – обращал историю в «скрижаль откровений и правил» практического характера. Один писатель XVII века (De Rocoles) говорил, что «история исполняет обязанности, свойственные моральной философии, и даже в известном отношении может быть ей предпочтена, так как, давая те же правила, она присоединяет к ним еще и примеры». На первой странице «Истории государства Российского» Карамзина найдете выражение той мысли, что историю необходимо

знать для того, «чтобы учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать им возможное на земле счастье».

С развитием западноевропейской философской мысли стали слагаться новые определения исторической науки. Стремясь объяснить сущность и смысл жизни человечества, мыслители обращались к изучению истории или с целью найти в ней решение своей задачи, или же с целью подтвердить историческими данными свои отвлеченные построения. Сообразно с различными философскими системами так или иначе определялись цели и смысл самой истории. Вот некоторые из подобных определений: Боссюэт (в XVII веке) и Лоран (в наше уже время) понимали историю как изображение тех мировых событий, в которых с особенной яркостью выражались пути Провидения, руководящего человеческую жизнь в своих целях. Итальянец Вико (1726) задачу истории как науки считал изображением тех одинаковых состояний, которые суждено переживать всем народам. Известный Гегель в истории видел изображение того процесса, которым «абсолютный дух» достигал своего самопознания (Гегель всю мировую жизнь объяснял как развитие этого «абсолютного духа»). Не будет ошибкой сказать, что все эти философы требуют от истории в сущности одного и того же: история должна изображать не все факты прошлой жизни человечества, а лишь основные, обнаруживающие ее общий смысл.

Этот взгляд был шагом вперед в развитии исторической мысли – простой рассказ о былом вообще или же случайный набор фактов различного времени и места для доказательства назидательной мысли не удовлетворял более. Появилось стремление к объединению изложения руководящей идеей, систематизированию исторического материала. Однако философскую историю справедливо упрекают в том, что она руководящие идеи исторического изложения брала вне истории и систематизировала факты произвольно. От этого история не становилась самостоятельной наукой, а обращалась в прислужницу философии.

Наукою история стала только в начале нашего века, когда в Германии в противовес французскому рационализму развился идеализм, в противовес французскому космополитизму появились идеи национализма, деятельно изучалась национальная старина и стало господствовать убеждение, что жизнь человеческих обществ совершается закономерно, в таком порядке естественной последовательности, который не может быть нарушен и изменен ни случайностями, ни усилиями отдельных лиц. С этой точки зрения главный интерес в истории стало представлять изучение не случайных внешних явлений и не личной деятельности выдающихся личностей, а изучение общественного быта на разных ступенях его развития. История стала пониматься как наука о законах исторической жизни человеческих обществ.

Это определение различно формулировали историки и мыслители. Знаменитый Гизо, например, понимал историю как учение о мировой и национальной цивилизации (понимая цивилизацию в смысле развития гражданского общежития). Философ Шеллинг считал национальную историю средством познания «национального духа». Отсюда выросло распространенное определение истории как пути к народному самосознанию. Явились далее попытки понимать историю как науку, долженствующую раскрыть общие законы развития общественной жизни вне приложения их к известному месту, времени и народу. Но эти попытки, в сущности, присваивали истории задачи другой науки – социологии. История есть наука, изучающая и конкретные факты в условиях именно времени и места, и главной целью ее признается систематическое изображение развития и изменений жизни отдельных исторических обществ и всего человечества.

Такая задача требует многого для успешного выполнения. Для того чтобы дать научно точную и художественно цельную картину какой-либо эпохи народной жизни или полной истории народа, необходимо: 1) собрать исторические материалы, 2) исследовать их достоверность, 3) восстановить точно отдельные исторические факты, 4) указать между ними прагматическую связь и 5) свести их в общий научный обзор или в художественную картину. Те способы, которыми историки достигают указанных частных целей, называются научными крити-

ческими приемами. Приемы эти совершенствуются с развитием исторической науки, но до сих пор ни эти приемы, ни самая наука истории не достигли полного своего развития. Историки не собрали и не изучили еще всего материала, подлежащего их ведению, и это дает повод говорить, что история есть наука, не достигшая еще тех результатов, каких достигли другие, более точные науки. И однако, никто не отрицает, что история есть наука с широким будущим.

С тех пор как к изучению фактов всемирной истории стали подходить с тем сознанием, что жизнь человеческая развивается закономерно, подчинена вечным и неизменным отношениям и правилам, – с тех пор идеалом историка стало раскрытие этих постоянных законов и отношений. За простым анализом исторических явлений, имевшим целью указать их причинную последовательность, открылось более широкое поле – исторический синтез, имеющий целью воссоздать общий ход всемирной истории в ее целом, указать в ее течении такие законы последовательности развития, которые были бы оправданы не только прошлым, но и будущим человечества.

Этим широким идеалом не может непосредственно руководиться русский историк. Он изучает только один факт мировой исторической жизни – жизнь своей национальности. Состояние русской историографии до сих пор таково, что иногда налагает на русского историка обязанность просто собирать факты и давать им первоначальную научную обработку. И только там, где факты уже собраны и освещены, мы можем возвыситься до некоторых исторических обобщений, можем подметить общий ход того или другого исторического процесса, можем даже на основании ряда частных обобщений сделать смелую попытку дать схематическое изображение той последовательности, в какой развивались основные факты нашей исторической жизни. Но далее такой общей схемы русский историк идти не может, не выходя из границ своей науки. Для того чтобы понять сущность и значение того или другого исторического факта в истории Руси, он может искать аналогии в истории всеобщей; добытыми результатами он может служить историку всеобщему, положить и свой камень в основание общеисторического синтеза. Но этим и ограничивается его связь с историей общей и влияние на нее. Конечной целью русской историографии всегда останется построение системы местного исторического процесса.

Построением этой системы разрешается и другая, более практическая задача, лежащая на русском историке. Известно старинное убеждение, что национальная история есть путь к национальному самосознанию. Действительно, знание прошлого помогает понять настоящее и объясняет задачи будущего. Народ, знакомый с своей историей, живет сознательно, чуток к окружающей его действительности и умеет понимать ее. Задача, в данном случае можно выразиться – долг национальной историографии заключается в том, чтобы показать обществу его прошлое в истинном свете. При этом нет нужды вносить в историографию какие бы то ни было предвзятые точки зрения; субъективная идея не есть идея научная, а только научный труд может быть полезен общественному самосознанию. Оставаясь в сфере строго научной, выделяя те господствующие начала общественного быта, которые характеризовали собою различные стадии русской исторической жизни, исследователь раскроет обществу главнейшие моменты его исторического бытия и этим достигнет своей цели. Он даст обществу разумное знание, а приложение этого знания зависит уже не от него.

Так и отвлеченные соображения, и практические цели ставят русской исторической науке одинаковую задачу – систематическое изображение русской исторической жизни, общую схему того исторического процесса, который привел нашу национальность к ее настоящему состоянию...

Предварительные исторические сведения

Древнейшая история нашей страны

В настоящее время нет нужды указывать на то, что природа страны влияет на быт народа, обуславливает особенности народного хозяйства, налагает свой отпечаток и на весь ход исторического развития общества. Тот, кто хотел бы познакомиться с вопросом о влиянии нашей страны на расселение, быт и историю русского племени найдет прекрасный материал в первом томе «Истории России» С.М. Соловьева; этот историк с особым вниманием остановился на объяснении того значения, какое имела наша равнина в качестве исторического фактора. В нашем же курсе мы можем дать лишь намеки на главнейшие стороны вопроса. Прежде всего мы отметим, что равнинность страны и обилие речных путей, идущих в разные стороны, должны были содействовать широкому расселению славян, должны были облегчать и даже вызывать тот грандиозный процесс колонизации, которым славянское племя осваивало громадные пространства земель. Факт колонизации – один из самых важных фактов нашей истории, многое объясняющий историк в сфере народного хозяйства и в сфере народного права. Далее, плодородная почва страны и обилие лесов должны были развить земледельческий и лесной промыслы, тогда как реки, вытекавшие из центра равнины во все четыре окраинных моря, должны были содействовать зарождению и развитию торговли и внутри страны, и с соседними странами. Так особенности страны предопределяли разнообразие хозяйственной деятельности народа.

Но, давая широкий простор для передвижения жителей, содействуя сложению их в крупные общества, природа страны в то же время не охраняла эти общества от чуждых вторжений. Ничем не защищенные со стороны Азии, наши предки не раз делались жертвами диких азиатских кочевников и в природе не имели верного союзника против этих врагов. В первые века нашей истории, как мы знаем, киевские князья искусственной границей, цепью укреплений обороняли свою землю от степных кочевников, позднее московские государи создали такую же искусственно укрепленную границу (черту, берег) от татар. Так, рядом с условиями, содействующими успехам народной жизни, страна создала и условия, противодействующие этим успехам.

Условия русского юга, благоприятные для развития человеческой производительности, очень рано привлекали внимание древних греков. За пятьсот лет до Рождества Христова на северном берегу Черного моря существовали уже греческие города, жители которых торговали с окрестными туземцами. Геродот оставил нам пространный рассказ об этих туземцах, которых греки называли общим именем скифов. По этому рассказу были скифы кочевые, но были скифы и оседлые, достигшие уже известной гражданственности. Многочисленность скифских племен и разнообразие форм их быта позволяют с большим вероятием думать, что греки называли общим именем скифов не одно обширное племя, а несколько племен различного происхождения, живших на север от Черного моря. Во время более позднее, около Рождества Христова, на местах поселения древних скифов греческие и римские писатели помещают народы с иными уже названиями. Общее наименование этих народов – сарматы; видовые имена – язиги, аланы, роксоланы; все эти народы причисляются ныне к арийской расе, хотя и о них мы знаем очень мало. Несколько определеннее данные о так называемом Боспорском царстве, на Азовском побережье; оно было основано скифами и греками-колонистами и жило в таких формах быта, которые отражали в себе влияние и варваров-скифов, и эллинов. Вещественные остатки этого быта (курган Куль-Оба около Керчи и проч.) ярко рисуют нам эту смешанную культуру, так же как и остатки, находимые в более северных скифо-сарматских могилах, дают довольно

хорошее представление о быте скифов и сарматов, живших особо от греков (Чертомлыцкий, или Никопольский, курган на Днепре). Собирая все скудные данные о жизни на Черноморском побережье в наиболее древнее время, мы получаем возможность сказать, что уже до Рождества Христова юг нашей страны был ареною оживленного торгового движения. Предметами вывоза отсюда служили хлеб, рыба, воск и мед, кожи и меха, шерсть, лошади; ввозились же сюда преимущественно предметы роскоши и искусств.

Во II и III веках в истории великой северной равнины произошли крупные события: большое германское племя готов передвинулось от Балтийского моря к Черному и основало в Черноморье сильное государство. Готский король Германарих владел приблизительно южной половиной нынешней Европейской России и ему, как полагают, повиновались, кроме готов, и финские племена (чудь, весь, меря, мордва). В числе подданных Германариху племен видим и наших предков – славян под именем венедов. Несмотря на свою силу, готское царство в IV веке пало под натиском еще более сильного врага – гуннов. Придя из Азии, гунны заставили готов всею массою отступить от Черного моря на запад и войти в пределы Римской империи; на Черноморье (в Крыму и в Тамани) осталась лишь небольшая часть готского племени, державшаяся там очень долго. Оттеснив готов, гунны подчинили себе венедов, то есть славян, и в то же время подпали под их культурное влияние. Рассказ писателя Приска прямо свидетельствует о славянизации гуннов, чем и дает повод некоторым историкам считать гуннов за славян, несмотря на многие признаки их монгольского происхождения (Д.И. Иловайский отстаивал славянство гуннов пред В.Г. Васильевским). С падением гуннов в VI веке славяне попали под владычество аваров, или обров, которых знает уже и наша первоначальная летопись; истребление обров Карлом Великим, а затем болгарами создало в Древней Руси поговорку, записанную летописцем: «Погибоша, аки обры».

Так, из племен чуждых и малоизвестных выступают мало-помалу и наши предки славяне в качестве обитателей великой северной равнины. Но не в первый раз выступают они в истории под властью готского короля Германариха, можно собрать и более ранние указания на существование славян в Европе.

Уже Геродот в IV веке до Рождества Христова называет на Висле генетов, в которых некоторые видят славян. Писатели I–II веков по Рождеству Христову (Тацит и др.) говорят о венетах у Балтийского моря, под которыми позже разумеются славяне. Тацит приравнивает венедов к сарматам, но указывает то различие, что венеды – народ оседлый. Писатели VI века – гот Иорнанд и византийцы Прокопий и Маврикий – уже хорошо знают славян под именами славяне и анты и помещают первых между Вислой и Днепром, а вторых между Днепром и Днестром. Предгорья Карпат были, таким образом, древнейшими местами славянских поселений. От Карпат (от Дуная) ведет славян на Днепр и наша летопись. Славяне ушли с Дуная, теснимые волхами (неизвестным народом), и поселились на русских реках, разделяясь на племена. Поляне сели на среднем Днепре, древляне – на Припяти, дреговичи – на Березине, полочане – на Западной Двине, северяне – по Десне, радимичи – по Сожи, кривичи – на водоразделе Западной Двины и Днепра, ильменские славяне – на Ильмене и Волхове, тиверцы и угличичи – на нижнем течении Днепра и Днестра, воляныне (бужане, дулебы) – по Западному Бугу.

Повествованием летописи о жизни всех этих племен и начинается история Руси. В дополнение к данным нашего летописца о первых порах нашей истории привлекаются историками и все известия иноземных писателей, какие только известны в настоящее время. С помощью их и решаются вопросы о формах первоначального быта славян и начале государственной жизни на Руси.

Но раньше чем приступить к изучению этих вопросов, следует заметить, что славянские племена в начале своей истории не владели всей территорией нынешней Европейской России. На север от них, от Балтийского моря до Урала, жили многочисленные финские племена. При Балтийском море, в бассейне реки Неман, сидели племена литовские. По Каме и средней Волге

шли владения тюркского народа болгар, а на нижней Волге и Дону было государство тюркского же народа хазар, которым управлял хан, носивший титул кагана. Не останавливаемся теперь на подробном изложении данных обо всех этих народах, так как мы будем еще говорить о них в дальнейшем изложении.

Общественный быт древних славян

Мы познакомились с теми известиями о славянах, которые позволяют нам сказать, что русские до начала самобытного политического существования имели несколько веков примитивной жизни. Те же древние писатели раскрывают нам и черты первоначального быта славян, с которыми интересно познакомиться, чтобы уяснить себе, в каком положении, на какой степени общественного развития застает славян история. Придя в пределы теперешней России, в Поднепровье, славяне не нашли здесь такой культуры и цивилизации, как германское племя, вторгшись в Западную Римскую империю. Последние сами должны были подняться до той высоты, на которой стояли туземцы, славяне же предстают перед нами в достаточной чистоте примитивного быта. Об этом быте еще в XVIII веке сложились два воззрения. Представителем первого был известный Шлецер, другая же теория получила окончательное развитие в «Истории русской жизни» современного нам ученого И.Е. Забелина. Шлецер представляет себе первоначальный быт славян не выше быта дикарей-ирокезцев. Еще летописец говорил, что славяне «живяху звериньским образом», так думал и Шлецер. Первые семена гражданственности и культуры, по его мнению, были брошены варягами, которые вызвали славян на историческую арену. Это взгляд, очевидно, крайний. Забелин же («История русской жизни») рисует нам быт славян русских в IX–X веках очень сложным и развитым и впадает поэтому в иную крайность. Отрешимся от этих двух точек зрения и рассмотрим, какие несомненные данные для выяснения этого вопроса можем мы найти у древних историков.

Прежде всего – славяне народ не кочевой, а оседлый. Уже Тацит, который сближает их с сарматами, отмечает, что они были диким народом, но отличались от сарматов тем, что жили оседло и строили дома. Оседлость славян надо понимать в том смысле, что главный капитал их состоял не в стадах и табунах, а в земле, и хозяйство было основано на эксплуатации земли. Но оседлость славян была непрочна, так как, истощив пашню на одном месте, они легко покидали жилище и искали другого. Таким образом, поселки славян имеют первоначально очень подвижный характер. Об этом согласно свидетельствуют и греческие писатели, и летописец, который говорит о древлянах и вятичах, так что можно понять, что они только что принялись за обработку земли. Древляне, которые, по словам летописца, «живяху звериньским образом», уже к началу летописи «делают нивы своя и земля своя».

Страны, в которых приходилось жить и пахать славянам, были лесные, поэтому рядом с земледелием возникает и эксплуатация лесов, развиваются лесные промыслы, бортничество и охота с целью промышленною. Воск, мед и шкуры были искони предметами торговли, которыми славилась Россия на Дунае. Святослав, например, желая остаться на Дунае, говорил: «Хочю жити в Переяславце на Дунаи, яко то есть середя в земли моеи, яко ту вся благая сходятся...». Он перечисляет далее, что привозят туда из Греции и Рима, а о Руси говорит: «Из Руси же скоро и мед, воск и челядь». Охота на пушного зверя составляла один из основных промыслов славян, точно так же как изделия из дерева – лодки и т.п. Конечно, это обуславливалось тем, что пашня славянина была в лесу. Вот, таким образом, хозяйство, в котором, как мы видим, все отрасли промышленности тесно связаны с землею.

Другая сторона хозяйственной жизни славян заключалась в торговле. Давно уже на пространстве от южного побережья Балтийского моря до Урала находят клады с арабскими (куфическими) монетами, относящимися к VIII, даже к VII веку (693). Если принять во внимание, что у арабов был обычай при каждом новом хане перечекивать монеты, то можно приблизительно точно определить время, по крайней мере век, в котором зарыт клад. На основании этого и делают вывод, что в VIII, IX и X веках те народы, которые жили на Руси, вели торговлю с арабами. Эти археологические предположения совпадают с рассказами арабских писателей, которые передают нам, что арабы торговали в пределах нынешней России, и между прочим с

народом росс. Велась торговля, вероятно, речными путями – по крайней мере, клады своим местонахождением намекают на это. О размерах торговых оборотов мы можем судить, например, по тому, что у Великих Лук найден клад, оцененный в семь тысяч рублей. Возможность зарыть в одном клade столько ценностей показывает, что торговля велась большими капиталами. В торговле с Востоком для славян большое значение имели хазары, которые, покорив южных славян, открыли им безопасный путь к Каспийскому морю. Под покровительством этих же хазар славяне проникли и в Азию. Это было одно направление торговли славян-русских. Второе ведет нас на юг. Древний договор Олега с греками показывает, что подобные торговые договоры писались уже и раньше и что в X веке сложились уже определенные формы и традиции торговых отношений. Указывают и на третий торговый путь, который шел из Руси в Западную Европу. Профессор Васильевский, основываясь на хороших данных, говорит, что славяне в глубокой древности под именем ругов постоянно торговали на верхнем Дунае. Таким образом, сведения, которые мы имеем от древнейшей поры, показывают, что рядом с земледелием славяне занимались и торговлей, а при таком условии мы можем предположить у славян ранее существование городов как торгово-промышленных центров. Этот вывод – вывод несомненный – проливает яркий свет на некоторые явления древней киевской жизни.

Хотя Иорнанд и утверждает, что у славян не было городов, тем не менее с первого же времени исторической жизни славян мы видим у них признаки развития городской жизни. Скандинавские саги, знакомые с Русью, зовут ее Гардарик, то есть Страна городов. Летопись уже не помнит времени возникновения на Руси многих городов – они были «изначала». Главнейшие города Древней Руси (Новгород, Полоцк, Ростов, Смоленск, Киев, Чернигов) все расположены на речных торговых путях и имели значение именно торговое, а не были только пунктами племенной обороны.

Вот те несомненные данные о первоначальном быте славян, которые показывают, что последние были далеко не диким народом, что летописец впал в неточность, говоря, что в большинстве своем они «живяху звериньским образом», но, с другой стороны, у нас нет никакой возможности утвердить, что этот быт достигал высоких степеней общественной культуры.

Какую же внутреннюю организацию имели славяне? Разрешение этого вопроса вводит нас в интересную полемику.

Быт славян, несомненно, вначале был племенной. На первых страницах летописец постоянно называет их по племенам, но, читая летопись далее, мы видим, что имена полян, древлян, вятичей и т.п. постепенно исчезают и заменяются рассказами о волостях: «Новгородци бо изначала и смолняне, и кыяне, и полочане и вся власти (то есть волости) яко же на думу на веча сходятся», – говорит летописец и под именем этих «властей» разумеет не членов какого-либо племени, а жителей городов и волостей. Таким образом, быт племенной постепенно переходит в быт волостной. Это не подлежит сомнению; но нужно решить, из каких же мелких союзов состояли сперва племена, а затем волости. Какая связь скрепляла людей: родовая или соседственная, территориальная? Дерптский профессор Эверс в 1826 году издал книгу «Das aelteste Recht der Russen», в которой он впервые попробовал дать научный ответ на эти вопросы (его книга переведена и на русский язык). Во-первых, он отмечает у славян факт общего владения при отсутствии личной собственности; во-вторых, в летописи постоянно упоминается о роде: «живяху родом», «возста род на род». Святослав «имаше за убиенные, глаголя: яко род его возьмет»; и в-третьих, «Русская правда» умалчивает о личной поземельной собственности. На основании этих данных и создается теория, по которой славяне на первых ступенях жизни жили родом, составленным по образцу рода римского, то есть жили обществами, построенными на родовых началах; во главе рода стояла власть родовладыки – авторитет патриархальный. Со смертью родового патриарха родовая собственность не делилась, и движимое и недвижимое имущество все находилось во владении рода. Родовой быт действительно

исключал возможность личного владения. Теория Эверса была принята нашей «школой родового быта». Соловьев и Кавелин развили ее и перенесли в сферу политической истории.

Но когда родовая теория легла в основание всей нашей истории, она встретила беспощадного критика в лице известного славянофила К.С. Аксакова, выступившего со статьей «О древнем быте у славян вообще и у русских в особенности», и историков-юристов Беляева и Лешкова. Они утверждают, что слово «род» в летописи употребляется не как римское «gens», что оно имеет несколько значений, так как иногда под ним подразумевается семья (в сказании о Кии, Щеке и Хориве), иногда род (в призвании князей); стало быть, народ, а с ним и летописец под этим словом понимали различные вещи. Общее же владение и отсутствие личного землевладения могут доказывать не родовые формы быта, а общинную организацию. Под ударами критики родовое учение потеряло свою непреложность; стали говорить, что родовой быт существовал лишь во времена глубокой древности – быть может, доисторические, – а затем заменился общинным. Учение об общине было развито Аксаковым и Беляевым. По их мнению, славяне жили общиной, не на основании физиологических, кровных начал, а на основании общего сожительства на одних и тех же местах и единства хозяйственных, материальных интересов. Общины управлялись властью избранных старшин, так называемым вечем. Мелкие общины, или верви, сливались в волости, которые были общинами уже политическими. В первоначальных рассуждениях об общине было много неопределенного. Гораздо удачнее, конкретнее поставил вопрос о первоначальном быте славян профессор Леонтович (его поддержал Бестужев-Рюмин). Взгляды Леонтовича известны под названием теории задружно-общинного быта. По этой теории родственные славянские семьи не принимали строгой родовой организации, но жили, не забывая своего физического родства, уже на началах территориальных, соседственных. Образцом подобного рода общин была Сербская задруга. В трудах позднейших этнографов (г-жи А.Я. Ефименко и др.) указано было на существование своеобразных общин архаического склада и у русских людей в историческое уже время. Эти труды окончательно позволяют утверждать, что у славян на первой стадии исторической жизни существовал своеобразный общинный, а не кровный быт.

Если же славяне не знали исключительно кровного быта и слагались в общины по интересам хозяйственным, то очень легко объяснить себе, как и почему так скоро распался племенной быт и заменился волостным. Города становились центрами для известной области (волости), которая жила общим хозяйственным интересом и смотрела на город как на свое средоточие. Так, Новгород притянул к себе часть кривичей, Киев – не только полян, но и древлян, Чернигов – северян и вятичей. Таким образом, границы города и его волости не совпадали с границами племен. Племенной быт стал разлагаться, яснее становилось городское устройство, при котором города, имея свое вече, посредством его управляли и волостями. Однако рядом с вечем, независимо от призвания варяжских князей, в различных местностях Руси мы видим существование княжеской власти. В Полоцке был свой князь, у древлян были князья, о которых летописец говорит, что они «добре суть». Аскольд и Дир были не кем иным, как такими местными князьями, неизвестно откуда пришедшими. Олег уничтожил их, но он же требовал с греков дани не только на дружину свою, но и на города: «По тем бо городам седяху велиции князи, под Олгом суще».

Трудно объяснить власть и происхождение этих князей, из которых одни носят характер городских охранителей, другие – племенных вождей. Несомненно одно: что русские славяне на первых порах составили ряд мелких политических миров и управлялись двумя властями – властью городских вечей и властью городских и племенных князей. На рубеже IX и X веков эти мелкие миры были соединены в одно политическое тело силами и способностями новгородского князя Олега.

Киевская Русь

Образование Киевского княжества

Вопрос об образовании одного княжения (Киевского) приводит нас к вопросу о варягах-руси, которым приписывается водворение на Руси политического единства и порядка.

Кто же были эти варяги-русь, покорившие сперва Новгород, а затем и Киев? Вопрос этот возник в русской историографии уже давно, но исследования за сто пятьдесят лет настолько осложнили его, что и теперь разрешать его нужно очень осторожно.

Остановимся прежде всего на двух местах летописи, местах важных, которые, в сущности, и породили варяжский вопрос: 1) летописец, перечисляя племена, жившие по берегам Балтийского моря, говорит: «По сему же морю Варяжскому (то есть Балтийскому) сядят варязи», а соседи их «свеи, урмане (норвежцы), готе, русь, англяне». Все это северогерманские племена, и варяги поставлены среди них; о славянах же балтийских говорится в другом месте; 2) далее в рассказе летописца о призвании князей читаем: «Идоша за море к варягам-руси, сице бо ся зваху тыи варязи-русь, яко се друзии зовутся свеи, друзии же англяне, урмане, друзии готе, тако и си». Таким образом, по словам летописи, из варягов одни назывались русью, другие англянами, урманам и т.д.; летописец, очевидно, думает, что варяги-русь есть норманны. На основании этих и других показаний летописи стали искать более точных сведений и увидели, что варягов знал не только наш летописец, но и греки. Слово «варяг» писалось с юсом и, стало быть, произносилось как «варенг». Такое слово встречается и у греческих писателей и служит совершенно определенным понятием – у греков под именем Варрауої (варанги) разумелись наемные дружины северных людей, пришедших с острова Туле (в Британии) и служивших в Византии. С тем же значением северных дружин встречается слово Waeringer (варанги) и у летописца средних веков; арабские писатели также знают варангов как норманнов. Следовательно, варанги представляют собой нечто вполне определенное в смысле этнографическом – сборную дружину норманнского происхождения. В последнее время удалось, как кажется, определить точно и родину варягов, то есть страну Варангию. Удалось это главным образом благодаря одному известию, найденному и напечатанному профессором Васильевским в его статье «Советы и ответы византийского боярина XI века». Этот византийский боярин, пересказывая известную скандинавскую сагу о Гаральде, прямо называет Гаральда сыном короля Варангии, а известно, что Гаральд был из Норвегии. Так отождествляются Норвегия и Варангия, норвежцы и варяги. Этот вывод очень важен в том отношении, что раньше была тенденция толковать слово «варанги», как техническое название бродячего наемного войска (варяг – враг – хищник – бродячий); на основании такого понимания Соловьев нашел возможным утверждать, что варяги не представляли отдельного племени, а только сбродную дружину и не могли иметь племенного влияния на славян.

Итак, варяги – норманны. Но этот вывод еще не решает так называемого «варяго-русского» вопроса, потому что не говорит нам, кто назывался именем русь. Летописец отождествил варягов и русь, теперь же ученые их различают – и для этого имеют свои основания. У иностранных писателей русь не смешивается с варягами и делается известной раньше варягов. Древние арабские писатели не раз говорят о народе русь и жилища его помещают у Черного моря, на побережье которого указывают и город Русию. В соседстве с печенегамы помещают русь в Черноморье и некоторые греческие писатели (Константин Багрянородный и Зонара). Два греческих жития (Стефана Сурожского и Георгия Амастридского), разработанные В.Г. Васильевским, удостоверяют присутствие народа русь на Черном море в начале IX века – стало быть, ранее призвания варягов в Новгород. Ряд других известий также свидетельствует о том,

что варяги и русь действуют отдельно друг от друга, что они не тождественны. Естественно было бы заключить отсюда, что имя Русь принадлежало не варягам, а славянам и всегда обозначало то же, что оно значило в XII веке, то есть Киевскую область с ее населением. Так и склонен решать дело Д.И. Иловайский. Есть, однако, известия, по которым считать русь славянским племенным названием нельзя.

Первое из этих известий – знаменитые Вергинские летописи, составлявшиеся в Карловой монархии. В них говорится, что в 839 году цареградский император Феофил отправил послов к Людовику Благочестивому, а с ними людей «Rhos vocari dicebant» – то есть людей, назвавших себя россами и посланных в Византию их царем, называемым Хаканом. Людовик спросил у них о цели их прихода; они отвечали, что желают вернуться к себе на родину через его, Людовика, землю. Людовик заподозрил их в шпионстве и стал разузнавать, кто они и откуда. Оказалось, что они принадлежат к шведскому племени. Таким образом, в 839 году россов относят к шведскому племени, чему в то же время как будто противоречит имя их царя Chacanus – Хакан, вызвавшее много различных толкований. Под этим именем одни понимают германское, скандинавское имя Гакон, другие же прямо переводят это «Chacanus» словом «каган». Во всяком случае, известие Бертинских летописей сбивает до сих пор все теории. Не лучше и следующее известие – писатель X века Лиутпранд Кремонский говорит: «Греки зовут russos тот народ, который мы зовем nordmannos, по месту жительства», – и тут же перечисляет народы: «печенеги, хазары, русы, которых мы зовем норманнами». Очевидно, автор окончательно запутался: вначале он говорит, что русь – это норманны, потому что они живут на севере, а вслед за тем помещает их с печенегами и хазарами на юге России.

Таким образом, определяя варягов как скандинавов, мы не можем определить руси. По одним известиям русь – те же скандинавы, по другим – русь живет у Черного, а не у Балтийского моря, в соседстве с хазарами и печенегами. Самый надежный материал для определения национальности руси – остатки ее языка – очень скуден. Но на нем-то главным образом и держится так называемая норманнская школа. Она указывает, что собственные имена князей руси – норманнские: Рюрик, Аскольд, Трувор, Игорь, Олег, Ольга, Рогволод; все эти слова звучат по-германски. Название Днепровские пороги у Константина Багрянородного приведено по-русски и по-славянски; имена русские звучат не по-славянски и объясняются из германских корней (Ессупи, Ульворси, Геландри, Ейфар, Варуфорос, Леанти, Струвун); напротив, те имена, которые Константин Багрянородный называет славянскими, действительно славянские (Островнипрах, Неясит, Вулнипрах, Веруци, Напрези). В последнее время некоторые представители норманнской школы, настаивая на различии руси и славян, ищут руси не на скандинавском севере, а в остатках тех германских племен, которые жили в первые века нашей эры у Черного моря; так, профессор Будилович находит возможным настаивать на готском происхождении руси, а самое слово «русь» или «рось» производит от названия готского племени Hroth (приносится «грос»). Ценные исследования Васильевского давно шли в том же направлении, и от их продолжателей можно бы ждать больших результатов.

В таком состоянии находится ныне варяго-русский вопрос (доступнейшее его изложение – в труде датского ученого Вильгельма Томсена, русский перевод которого – «Начало Русского государства» – издан отдельной книгой и в «Чтениях Московского общества истории и древностей» за 1891 год, книга 1). Наиболее авторитетные силы нашей научной среды все держатся воззрений той норманнской школы, которая основана еще в XVIII веке Байером и совершенствовалась в трудах позднейших ученых (Шлецера, Погодина, Круга, Куника, Васильевского). Рядом с учением господствующим давно существовали и другие, из которых большую пользу для дела принесла так называемая славянская школа. Представители ее начиная с Ломоносова, продолжая Венелиным и Морошкиным, далее Геденовым и, наконец, Иловайским пытались доказать, что Русь всегда была славянской. Оспаривая доводы школы норманнской, эта славянская школа заставила не раз пересматривать вопрос и привлекать к делу новые

материалы. Книга Гедеонова «Варяги и русь» заставила многих норманнистов отказаться от смешения варягов и руси и тем самым сослужила большую службу делу. Что касается до иных точек зрения на разбираемый вопрос, то о них можно упомянуть только для полноты обзора. Костомаров одно время настаивал на литовском происхождении руси, Щеглов – на происхождении финском.

Знать положение варяго-русского вопроса для нас важно в одном отношении. Даже не решая вопроса, к какому племени принадлежали первые русские князья с их дружиною, мы должны признать, что частые известия летописи о варягах на Руси указывают на сожительство славян с людьми чуждых, именно германских племен. Каковы же были отношения между ними и сильно ли было влияние варягов на жизнь наших предков? Вопрос этот не раз поднимался и в настоящее время может считаться решенным в том смысле, что варяги не повлияли на основные формы общественного быта наших предков – славян. Водворение варяжских князей в Новгороде, затем в Киеве не принесло с собою ощутительного чуждого влияния на жизнь славян, и сами пришельцы, князья и их дружины, подверглись на Руси быстрой славянизации.

Итак, вопрос о начале государства на Руси, связанный с вопросом о появлении чуждых князей, вызвал ряд изысканий, не позволяющих вполне верить той летописной легенде, которая повествует о пришествии в Новгород варяга Рюрика с родом по имени русь. Если, с другой стороны, в Новгороде и осел посторонний славянам князь, то это был один из многих местных князей, и не с него следует начинать историю политической власти, подчинившей себе всю землю русских славян.

Мы уже видели, что племенной быт славян постепенно переходил в более волостной: город делался центром для окружающих его общин, приобретал влияние и власть над ними. Городские веча и их старейшины («старцы градские») были первою политической властью у славян, и рядом с нею существовала по местам (в городах и у племен) власть князей, имевших значение только в одном городе, у одного племени. Так возникло много маленьких политических миров, которые в IX веке были частью подчинены чуждой власти: южные славяне платили дань хазарам, северные были завоеваны варягами, бравшими с Новгорода дань. Если верить летописи, Новгород раньше других сверг чужую власть и создал свою в лице добровольно принятых князей из тех же варягов. Затем новгородские князья освободили от хазар и Южную Русь, объединив славян под своей властью. Так создалось у русских славян одно государство с центром в Киеве.

Что образование единого киевского княжения произошло именно так, доказывается следующей подробностью похода Олега, новгородского князя, на Киев. Олег, отправляясь из Новгорода, занимает Смоленск, и только; но со Смоленском подчинились ему и все кривичи, которые тянули к этому городу; следовательно, город в данном случае увлек с собою и часть племени. Завоевав затем Киев, Олег этим подчинил себе часть полян и древлян. Очевидно отсюда, что племенной быт изменяется в быт городской раньше, чем в Киеве появились князья. Изучая этот городской быт, бывший первой стадией политической жизни наших предков, мы подмечаем в нем признаки определенной власти: мы видим в городах каких-то старейшин. Это, как называет летопись, «старцы градские», происхождение и власть которых до сих пор толкуются различно, и теперь еще не выяснено, представляют ли они выборную власть, созданную общиной, или же вообще людей высшего общественного класса. Школа родового быта понимала этих «старцев градских» как родовладык, в силу своего физического старейшинства пользовавшихся властью. Некоторые историки-юристы в «старцах» видели земских бояр, то есть городскую знать, высокое положение которой основывалось на ее крупном землевладении (Владимирский-Буданов). Профессор Ключевский этих «старцев» понимает как городское правительство из крупнейших представителей торгово-промышленного класса, державшего в своих руках главный капитал страны и составлявшего так называемую торговую аристократию.

Как ни понимать происхождение этих «старцев», ясно одно: что в данном случае мы имеем дело с высшим классом докняжеского общества.

Рядом со старшинами в городах Древней Руси стоит вече, то есть собрание полноправных граждан города, домохозяев, глав семей (не выделенные сыновья на вече ходить, кажется, не могли). Желая пояснить функции вечевых собраний, летописец говорит, что горожане «сходятся на вече, как на думу; и на чем порешат старшие города, на том станут и пригороды». Это подтверждает отчасти мнение, что вече имело не только хозяйственно-экономическое значение для своего города, но и политическое для всей волости.

Иногда политические функции вече разделяло с князьями, появлявшимися в городах. Такими местными князьями были Аскольд и Дир в Киеве, Рогволод в Полоцке, Мал у древлян. Так обнаруживается с большою ясностью первая стадия политического быта славян, которую застала при своем появлении норманнская династия Рюрика, давшая начало второй стадии – княжению киевскому.

Происхождение этой династии в общих чертах таково. В VIII–IX веках весь север Европы делается жертвою норманнских военных шаек, которые под предводительством витязей и князей нападали на туземцев и организовывали свои государства. Нападая на берега Западной Европы, они появляются на великом водном пути «из варяг в греки» и оседают в северных славянских городах. Эти князья и витязи представляют из себя на первых порах вооруженных искателей приключений, охраняющих за известную плату город и волостные границы (такой характер их деятельности был замечен давно, еще Шлецером). Один из этих князей, наиболее сильный, не ограничился владением одной своей волостью, а стал покорять себе другие и мало-помалу соединил под своею властью все восточные славянские племена. Так постепенно составилось Киевское княжество – не из одного города, но из всех городов, лежащих по Днепру. Такова была вторая форма политической жизни Древней Руси.

Посмотрим, что рассказывает об этом летописец. Он передает нам, что первоначально славяне были в постоянной борьбе друг с другом, и вот, наскучив этими внутренними раздорами и неурядицами, они отправили к варягам (к варяжскому племени русь) послов с знаменитой фразой: «Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет; да поидите княжити и владеть нами». И пришли три брата «с роде своими, пояша по себе всю русь», то есть три брата со всем племенем русь переселились к славянам. Старший из них – Рюрик – срубил себе город Ладогу и т.д. Разбирая эту легенду, историки напали на чрезвычайно схожее с нею сказание английского летописца Видукинда, что бритты отправили к англо-саксам своих послов почти с теми же словами. Вот почему сложился взгляд, понимающий это предание летописи как эпический, а не исторический рассказ.

Когда умер Рюрик, власть перешла в руки чрезвычайно энергичного и талантливого князя – Олега. Олег не долго пробыл на севере, он спустился по великому водному пути, покорил все племена, на нем жившие, и успел счастливо, без особенных усилий завладеть Киевом, а владение Киевом было чрезвычайно важно в том отношении, что киевский князь держал в своих руках главный узел торговых сношений с греками.

Так образовалось Киевское княжество, объединившее политически большую часть племен русских славян.

Замечания о первых временах Киевского княжества

Обратимся к изучению истории Киевского княжества. Образование государств может совершаться различно. Может быть так, что известное общество складывается естественно: под влиянием мирной деятельности хозяйственных заимок постепенно обозначаются те или другие границы занятой племенем территории; слагаются определенные общественные связи и затем в обществе выделяется правящий класс, господствующий обыкновенно в силу знатности происхождения или своего экономического преобладания. Всеобщая история показывает нам развившееся таким образом кельтическое общество, в котором создался ряд вполне определенных отношений экономического характера, и в силу этих отношений во главе общества, как его вожаки, стали лица, имеющие большое количество земли и рабочего скота. Это и была аристократия, господствующий класс, который мало-помалу приобрел полное преобладание. Таков был рост общества, совершавшийся в силу кровных и экономических связей. Но бывает и иначе. Известное общество уже сложилось, в нем образовалась или образуется политическая власть, но вдруг является неприятель, захватывает в свои руки путем открытого насилия политическое преобладание и власть, а вместе с этим перерабатывает и все прежние общественные отношения. Так было в Западной Римской империи, когда в нее вторглись германцы, заняли первое место в старом обществе и захватили себе земли. Экономический порядок, который существовал здесь раньше, перестроился к выгодам господствующего класса.

Который же из этих порядков имел место в Киеве? Мы видим, что племенной быт славян естественно изменился в волостной и в этом уже сложившемся организме общественной жизни возникла власть варяжских князей. Чрезвычайно важно определить, отразилось ли влияние этих князей с их дружинами на общественных отношениях славян или нет. Судя по историческим данным, мы скорее можем сказать – нет. Влияние варягов было крайне ничтожно; они не нарушили общего порядка прежней общественной жизни. В таком случае невольно возникает вопрос: какую же роль играли князья, в чем заключалась их деятельность и какова была их власть? Власть их была настолько неопределенна и своеобразна, что ее чрезвычайно трудно уложить в готовые формулы. Вообще говоря, теория государственного права различает три главных вида политической власти. Первый вырастает на основании кровных связей следующим путем: постепенно развивается аристократический (господствующий) род, и его родовладыка признается родовладыкою и вместе политической властью всего племени. Такой власти присвоено название власти патриархальной, она является у народов кочевых и полукочевых. Второй вид есть так называемая вотчинная, или патримониальная, власть: известное лицо считает своею собственностью всю территорию племени, а в силу этого и людей, живущих на территории, признает подвластными себе. Такой тип власти наблюдается у нас в удельный период XIII, XIV, XV веков в очень чистой форме. Третий тип власти зиждется уже не на кровных родовых началах и не на территориальной основе, а на основании более сложном. Современная нам политическая власть возникает на почве национального самосознания, когда племя, сознавая свое единство племенное и вероисповедное, сознает и свое историческое прошлое, обращается в нацию с национальным самосознанием. И такой момент был в истории Руси впервые в XVI веке. Что же касается до власти варяжских князей, то она, в сущности, не подходит ни к одному из указанных типов: во-первых, варяжские князья не могли у нас господствовать в силу кровного начала; во-вторых, они не считали землю своею собственностью, и, в-третьих, самое понятие земли Русской впервые слагается на глазах истории в устах прежде всего князя Святослава, который говорил своим воинам: «Не посралим земли Русской!». Киевские князья, в сущности, представляют собою защитников страны, которые за известную плату охраняют общество от неприятеля. Читая скудные свидетельства летописи, мы видим, что главная деятельность князей заключается в том, во-первых, что они устанавливают внешний порядок в

стране; во-вторых, «рубят» города, сажают на них своих наместников и, в-третьих, собирают с населения дань. Последнее делалось таким образом: или покоренные племена сами везли дань в Киев на княжеский двор – это так называемый повоз, или же князь сам с дружиной отправлялся за нею – это так называемое полюдьё. Константин Багрянородный сообщает об этом следующие интересные подробности: в ноябре месяце, как только устанавливался зимний путь, киевские князья отправлялись на полюдьё по всем своим волостям; собирали они дань большею частью натурою, тут же чиня суд и расправу. В этом блуждании проходила целая зима, и лишь в апреле, когда вскроется Днепр, князья возвращались в Киев, а за ними везли дань, которую тотчас же перегружали на ладьи, а затем отправляли в Константинополь для продажи. Во время таких путешествий князья основывали города на окраинах земли или устраивали определенные административные центры. О том, как Ольга собирала дань, летописец говорит: «В лето 6455 иде Вольга Новугороду и устави в Месте погосты и дани». Игорь, как нам известно, погиб во время сборов дани. Князья управляли совершенно примитивными средствами, земли дробились на волости, и в каждой волости сидел наместник – «княжий муж», власть которого была приблизительно такая же, как власть князя; наместники тоже собирали дань, и иногда даже успешнее князей; по крайней мере, дружина Игоря говорит: «Отроки (то есть дружина) Свенельжи изоделися суть оружием и порты, а мы нази» (Свенельд – один из дружинников Игоря).

Вот первая функция киевских князей. В этом периоде деятельность князей определяется улучшением городской администрации, судов и собиранием дани. Кроме того, князья обязаны были охранять границы своей земли и торговые пути. В то время как нарождалось Киевское княжество, внешние враги с Востока не могли тревожить Русь. Племена хазар выдерживали свою последнюю, предсмертную борьбу с печенегами и уграми и закрывали от них Русь. Но печенеги мало-помалу сломили силу хазар, а затем пробрались в южные степи, в Поднепровье. Против них киевские князья и принимали ряд мер: прежде всего граница Руси со стороны южной степи была правильно укреплена. Один из западных миссионеров, монах Бруно, бывший в Киеве в 1007 году, дает ее описание: она представляется ему крепким частоколом с воротами. Русский князь (Владимир) сам проводил этого миссионера до ворот и сказал ему, что тут кончается его земля. Наконец, очень сложная задача князей заключалась в покровительстве торговле Русь в VIII–IX веках торговала с Востоком, преимущественно с арабами; но когда появляются печенеги, эти сношения прекращаются, и у Руси остается один торговый путь – с Византией через Днепровские пороги и Черным морем до Босфора. Но путь этот был крайне опасен: печенеги, сидевшие в низовьях Днепра, грабили русские караваны; вот против них-то и направлялись силы князей. Обыкновенно с княжескими караванами шли и частные, их сопровождала дружина, которая в опасных местах высаживалась и прогоняла печенегов, стороживших богатую добычу, затем караваны благополучно достигали Византии. Проводить караваны из Киева в Византию и обратно было прямою обязанностью князя. Из договоров киевских князей с греками, дошедших до нас, мы можем заключить, во-первых, что торговые сношения русских с Византией были уже весьма развиты и хорошо регламентированы и, во-вторых, что отношения к Византии были не всегда мирные: до XII века мы насчитываем походов шесть–семь – Аскольда и Дира, Олега и последующих князей; походы эти заканчивались мирными договорами, все эти договоры носят торговый характер (во время подобных походов греки знакомились с русскими людьми и, нужно заметить, строго различали славян от руси).

Вот все, что мы можем сказать несомненного о характере деятельности и власти первых русских князей. Историческое значение их деятельности нетрудно уловить. Будучи первою общею властью среди многих разрозненных раньше миров, варяжские князья с их дружинами были первыми представителями племенного единства. Передвигаясь с места на место по Русской земле, соединяя племена и города в общих военных и торговых предприятиях, князья

создавали этим почву для национального объединения и национального самосознания. Сплотив государство внешним образом, они создавали и возможность внутреннего сплочения.

Другим, более могучим фактором объединения послужило христианство. Первыми представителями его у славян были, кажется, те же варяги, которые очень легко забывали свои божества под влиянием и христианства, и славянских языческих представлений. В X веке среди русских славян – еще до Владимира – христианство было уже заметно распространено: крестилась княгиня Ольга, среди Игоревой дружины было много христиан, как это видно из договора с греками; еще до формального крещения Руси в Киеве уже есть соборная церковь св. Илии. Христианство проникло к славянам одновременно с варягами (В.И. Ламанский думает даже, что непосредственно от святых Кирилла и Мефодия), но окончательно оно восторжествовало при Владимире. Рассказ летописи о крещении Руси передает дело таким образом: к великому князю Владимиру, узнав, что он хочет менять свою веру, приходили послы от разных народов – немцев, хазарских евреев, болгар – и каждый хвалил свою веру, но ни одна из них не понравилась Владимиру. Наконец пришли греки и, изложив историю Ветхого и Нового завета, показали ему картину Страшного суда. Под влиянием этой картины Владимир, посоветовавшись с дружиной и «старцами градскими», отправляет послов в те государства, откуда приходили к нему проповедники. Послы, вернувшись, восхваляли греческую веру, они говорили, что «всяк бо человек, аще искусит сладка, последи горести не принимает», так и они, видевши греческое богослужение, не хотят опять вернуться к язычеству. После этого Владимир пошел с войском на Корсунь, осадил город и там принял христианство, женившись на греческой царевне Анне. Есть данные, что рассказ этот был составлен в начале XII века, в эпоху существования Иерусалимского королевства. Ясно, что мы имеем дело с преданием, как оно слагалось в умах русского народа через столетие после факта крещения Руси. Любопытно то явление, что об этом факте крещения сказания иностранцев не дают нам ничего точного; крещение Руси прошло незамеченным даже в Византии, а любопытнейшие показания араба Яхьи Антиохийского о походах Владимира и крещения еще недостаточно разобраны и истолкованы.

Достоверно, однако, то, что христианство в конце X века становится на Руси господствующей религией и оказывает громадное влияние на общество, даже на такие стороны его жизни, которые, по-видимому, имеют мало общего с религиозным мировоззрением народа.

Для того чтобы уяснить себе, до какой степени отразилось уничтожение язычества на всей внутренней жизни наших предков, нужно бросить общий взгляд на культурное состояние тогдашнего Киевского княжества. Киевское княжество не представляло собою одной сплотившейся национальности с однообразным уровнем культуры. Напротив того, быт населения был крайне разнообразен: в то время как племена древлян и вятичей пребывают в примитивной форме племенного «звериньского» быта, племена, селящиеся по Днепру (к низовью), потеряли племенную, кровную связь и приобрели связь экономическую, основанную на единстве материальных интересов, а вместе с тем сделали и заметные культурные успехи. При неравномерном развитии культуры и общественный строй не принимал однообразных, определенных форм.

О первоначальном составе киевского общества мы имеем следующие сведения. Судя по летописи и другим историческим памятникам, около князей стоят в качестве сотрудников и советников «княжие мужи» – это дружина, с помощью которой князь правил страной и собирал дань. Дружина представляет собою высший, привилегированный класс общества. Но в киевском обществе есть и еще привилегированные лица, стоящие независимо от князя, – это «старцы градские». Что «старцы градские» представляют собою высший класс, мы уже видели, но мы видели также, что нельзя определить, на какой почве он вырос. Мы не знаем, есть ли это крупные землевладельцы, или торговые капиталисты, или племенные старшины – родовладыки, или выборные городские власти, которые не в силу своего имущественного преобладания, а по выбору общин занимают выдающееся положение в стране. Последняя полемика

относительно «старцев градских» развилась в 80-х годах нашего столетия между крупными авторитетами – В.О. Ключевским и М.Ф. Владимирским-Будановым. Ключевский полагает, что весь строй Киевской Руси обуславливался торговлей, которую русские вели сперва с Востоком, потом с Византией, и что «градские старцы» представляли собою людей, через руки которых проходили все торговые обороты, – иначе говоря, крупнейших капиталистов страны. Владимирский-Буданов смотрит на «старцев» как на богатых землевладельцев, которые именно потому и богаче других, что на их земле кормится масса народу, – они представляют собою высшее общество. Нельзя с уверенностью сказать, которое из этих двух мнений правильнее; пока несомненно только то, что те «старцы», с которыми советуется Владимир, – земская аристократия, положение которой совершенно не зависит от князей.

Около князей мы видим еще младшую дружину – отроков, гридей. Дружина старшая и младшая представляла собою первый – так сказать, привилегированный – класс. Кроме того, в состав киевского общества входили еще «люди»: а) горожане (люди градские) и б) сельчане (смерды) – это свободное сословие и, наконец, третий класс: – в) рабы (холопы). Эти общественные группы: 1) высший класс, 2) свободных людей и 3) рабов – мы находим у всех народов арийского племени даже во время глубокой древности; следовательно, судя по своей простой группировке, киевское общество стоит не на высокой степени развития.

Также мало развита была и их религия. Религия славян в общих чертах была такова: славяне имели две категории божеств. Первые олицетворяли собою природу, вторые – души предков. У славян они, несомненно, существовали одновременно. Имена общеизвестных Хорса, Дажьбога и Стрибога встречаются в преданиях руси даже до XII века. Автор «Слова о полку Игореве» еще верит «великому Хрьсови», ветры зовут «Стрибожи внуци», а людей – «Дажьбожьими внуками». Гораздо менее известны боги другой категории: покровители родовых союзов – Род, Рожаница, Домовой и Щур. Внешний культ выражался в жертвоприношениях, для которых не было, кажется, определенных мест, и приносил жертвы кто хотел, – вероятнее всего, родовладыки за свой род. Жрецов как сословия не было, а это первый признак недостаточно развитого религиозного культа. Перечитывая страницы летописи, мы встречаем постоянные указания на эту неразвитость; например, лишь в X веке Владимир ставит идолов в Киеве, а до того времени летопись молчит о них; следовательно, внешнюю форму религия славян стала принимать на памяти истории.

При такой неформленности общественного быта и невыработанности религиозного сознания христианству легко было влиять на умы молодого племени. Учение Христа встречалось на Руси с нетвердым языческим мирозерцанием, а православная иерархия столкнулась с общественным порядком, еще малоустойчивым. Если мы примем во внимание, что русская среда и до Владимира была знакома с христианством Византии, если мы будем помнить, что христианское вероучение принесено было на Русь на языке славянском, то мы объясним себе факт быстрых успехов новой веры в Киевской Руси и поймем, почему эта вера глубоко повлияла на быт наших предков. Это влияние не ограничилось тем, что раскрыло языческому миру блага христианской морали и, установив церковь, дало нашим предкам возможность достигать духовного совершенствования в церковном обществе, – новая религия влияла и на гражданский быт славян, на их государственные представления, она создала возможность высокой культуры, она была могучим средством для пробуждения национального сознания...

Киевская Русь в XI–XII веках

Принятие христианства с его многообразными последствиями представляет собою в истории Киевской Руси тот рубеж, который отделяет древнейшую эпоху от так называемой эпохи удельно-вечевой. Изучая период дохристианский, мы приходим к тому заключению, что единое государство в то время не было; Русь несколько раз дробилась на княжества (после Святослава, Владимира Святого). При жизни князя-отца сыновья сидели наместниками в главных городах и платили отцу дань. По смерти отца земля дробилась на части по числу сыновей, и лишь политическая случайность приводила к тому, что в конце концов восстанавливалось единое государство. Братья, враждуя из-за наследства, обыкновенно истребляли друг друга. После такой борьбы между сыновьями Святого Владимира Русь разделилась на две части: по левую сторону Днепра владел Мстислав, по правую – Ярослав. По смерти же Мстислава Ярослав владел всей землей; умирая (1054) он разделил землю таким образом: старшему сыну, Изяславу, дал Киев и Новгород, то есть два конца торгового пути (очевидно, что Изяслав был самый богатый, самый могущественный князь), второму сыну, Святославу, – Чернигов, третьему, Всеволоду, – Переяславль (недалеко от Киева), четвертому, Вячеславу, – Смоленск, пятому, Игорю, – Владимир-Волынский; но у Ярослава был еще внук от старшего сына, Владимира Ярославича, доблестный Ростислав, о котором сложилось много легенд, – ему Ярослав ничего не дал.

Тогда Ростислав бросился сам на Тмутаракань, захватил ее и оставил за собою. Ярослав велел почитать Изяслава как старейшего, но Изяслав не сумел поддержать свой авторитет, восстановил против себя киевлян, которые его изгнали. Возвратясь затем в Киев, Изяслав был вторично изгнан оттуда братьями; он бежал на запад; киевский стол занял Святослав и княжил там до смерти. Затем Киев опять переходит к Изяславу, а Чернигов в это время достается Всеволоду. После смерти Изяслава киевский престол занял Всеволод, а второй город – Чернигов – Всеволод отдал своему старшему сыну Владимиру. Детей Святослава он совсем вычеркнул из общего наследия, как изгоев, которые не имели права на великокняжеский престол, ибо отец их не мог бы стать великим князем, если бы соблюдал старшинство и не прогнал с престола старшего брата своего, который его пережил. В 1093 году умер Всеволод, оставив после себя сына Владимира, прозванного Мономахом по имени своего деда со стороны матери. Владимир не встретил бы препятствий со стороны киевлян, если бы захотел занять отцовский великокняжеский престол, но, не желая новых усобиц и соблюдая родовое старшинство, Мономах предоставляет киевский стол старшему из своих двоюродных братьев, Святополку Изяславичу, который, как старший в роде, имел на великокняжеский стол все права. Этот князь, однако, не умел соблюдать спокойствие в Русской земле и потому не пользовался народным расположением; во время его княжения Святославичи, признанные изгоями со стороны своих дядей Изяслава и Всеволода, стали добиваться политической полноправности и заявили притязание на черниговский стол, занятый Мономахом. После долгих смут Любечским съездом 1097 года права Святославичей на Чернигов были восстановлены, и вместе с тем съезд поделил все русские волости между князьями на началах справедливости. Но справедливость была вскоре попрана главным ее блюстителем, Святополком, который вместе с Давидом Игоревичем совершил известное насилие над Васильком. Это насилие повлекло за собой новые усобицы, для прекращения которых был назначен новый съезд. В 1100 году в городе Уветичах, или Витичеве, Святополк, Мономах и Святославичи заключили между собой союз для восстановления мира на Руси.

Когда Витичевским съездом был водворен порядок во внутренних делах, тогда стало возможно подумать и о делах внешних – о борьбе с половцами. Владимир и Святополк съехались на берегу Долобского озера (1103) и решили двинуться общими силами на половцев. Эти съезды – Любечский, Витичевский и Долобский – показывают нам, что в важных спорных

вопросах князя – внуки Ярослава – прибегают к съездам как к высшему учреждению, имеющему право безапелляционного решения. События же, их вызвавшие, свидетельствуют, что Русь во время княжения Святополка не пользовалась спокойствием и что нарушителем этого спокойствия часто был сам великий князь. Понятно, почему по смерти Святополка (1113) даже летописец, всегда готовый хвалить покойного князя, хранит о нем полное молчание.

После смерти нелюбимого князя киевляне посылают звать на великокняжеский престол Владимира Мономаха, но Мономах, не желая нарушать раз признанных прав Святославичей, отказывается от великокняжества. Однако киевляне, не любившие Святославичей, не принимают ни Святославичей, ни отказа Мономаха и отправляют к нему новое посольство с тем же предложением, угрожая возмущением в случае его упорства, и тогда Владимир вынужден был согласиться и принять Киев. Так воля граждан нарушила права старшинства, передав их в руки достойнейшему помимо старейшего. Однако это нарушение старшинства, хотя и вынужденное, должно было вызвать новые усобицы, и если при жизни сильного и всеми любимого Мономаха Святославичи должны были затаить свою ненависть к невольному похитителю их прав, то они передали эту ненависть своим детям; она-то и послужила причиной кровавых усобиц между потомством Святослава и потомством Всеволода, но эти усобицы произошли значительно позднее. Потомки Святослава Черниговского не препятствовали тому, чтобы после смерти Мономаха (1125) занял киевский стол сын его Мстислав. Да и не легко было оспаривать у него великокняжеский стол: Святославичи, по тогдашним понятиям, потеряли свои права на Киев, оттого что не противились занятию киевского стола Мономахом; этим они понизили род свой перед родом Мономаха и утратили не только в настоящем, но и в будущем всякое право на великокняжеский стол. Со стороны черниговских князей также не последовало возобновления притязаний на Киев и тогда, когда (в 1132 году) Мстислав умер и старшинство перешло в руки брата его, Ярополка Владимировича, что вполне согласовалось с желанием киевлян, которые не хотели никого, кроме Мономаховичей. Черниговские князья не могли протестовать, ибо они были бессильны, пока мир господствовал в роде Мономаха. В княжение Ярополка, однако, этот мир был нарушен. Перед смертью Мстислав обязал своего брата и преемника Ярополка отдать Переяславль его старшему сыну, Всеволоду Мстиславичу. Вступив на великокняжеский престол, Ярополк поспешил исполнить предсмертную волю брата, но это вызвало неудовольствие со стороны младших сыновей Мономаха – Юрия Ростовского и Андрея Владимиро-Волынского. Узнав о перемещении племянника в Переяславль, они сочли это шагом к старшинству помимо их (у князей Киевской Руси XI–XII веков было лестничное восхождение со стола менее важного на стол более важный, и так до Киева) и поспешили выгнать Всеволода из Переяславля. Тогда Ярополк водворил туда второго Мстиславича – Изяслава, княжившего в Полоцке. Но и это распоряжение не успокоило младших князей: в каждом племяннике, который сидел в Переяславле, они видели наследника старшинства, будущего князя киевского. Чтобы успокоить братьев, Ярополк вывел и Изяслава из Переяславля и послал брата своего, Вячеслава, но тот скоро сам оставил эту область, и она была уступлена Юрию Ростовскому.

Враждою между дядьями и племянниками в потомстве Мономаха не замедлили воспользоваться Святославичи и решились предъявить свои права на великое княжение. Обстоятельства сложились благоприятно для Святославичей: Ярополк Владимирович скончался в 1139 году и место его заступил брат его, Вячеслав, человек бесхарактерный и неспособный. Таким ничтожеством великого князя воспользовались Святославичи в лице Всеволода Ольговича; он подступил к Киеву; Вячеслав не мог сопротивляться и уехал в Туров, а Всеволод занял его место. Довольно понятно, почему Мономаховичи допустили внука Святослава занять старший стол, – линия Мономаха в это время не имела главы, все старшие Мономаховичи (Вячеслав, Юрий, Андрей) были слабые, неэнергичные люди, и единственный предприимчивый человек, могущий защищать интересы своего рода, был старший сын старшего Мономаховича – Изяслав Мстиславич Владимиро-Волынский, но он находился во вражде со старшими членами рода

и потому не вступился за права своего дяди Вячеслава. Этому способствовало еще и то обстоятельство, что старшая сестра Изяслава была замужем за князем Всеволодом Ольговичем, а по понятиям того времени старший зять почитался за отца.

В 1144 году Всеволод Ольгович в присутствии Ольговичей, Давидовичей и одного Мономаховича – Изяслава Мстиславича – объявил, что поступок Мономаха и сына его Мстислава, которые, не обращая внимания на род Святослава, отдали Киев один – сыну своему, другой – брату, дает ему право передать старшинство своему брату Игорю помимо Мономаховичей. Со всех присутствующих была потребована клятва в признании Игоря Ольговича на столе киевском. Такая же клятва была взята и с киевских граждан в 1146 году, но клятва эта была скоро нарушена. Едва Игорь сел на стол, как киевляне отравили посольство звать на киевский стол Изяслава Мстиславича. Последний немедленно двинулся к Киеву, объявив, что терпел на старшем столе Всеволода, как мужа старшей сестры своей, но что других Ольговичей на киевском столе не потерпит. Киевляне перешли на его сторону. Игорь был взят в плен и погиб, а Изяслав занял великокняжеский стол.

В лице Изяслава род Мономаха снова восторжествовал над родом Святослава. Но самовольный захват Изяславом киевского стола вооружил против него двух старших Мономаховичей, двух его дядей, – Вячеслава, который некогда сидел в Киеве, но был изгнан Всеволодом Ольговичем, и Юрия, князя Ростовского. Юрий, недовольный тем, что старшинство досталось его племяннику, а не брату, начал с Изяславом борьбу и одержал верх. Изяслав удалился во Владимир-Волынский, а в Киеве стал княжить Юрий. Но и он не долго удержал за собой киевский стол; Изяславу удалось изгнать его и снова вернуть себе Киев, а чтобы обеспечить себя от обвинений в незаконном захвате престола, он пригласил в Киев старшего дядю, Вячеслава, который, довольствуясь почетом, предоставил всю власть племяннику. Но Юрий не оставил своих притязаний на Киев, несмотря на то что Изяслав обставил дело вполне законно, воспользовался первой удобною минутою и подступил к Киеву. Изяслав и Вячеслав оставили город, и Юрий вторично завладел им, но опять-таки ненадолго. Киевские граждане любили Изяслава и при первом его появлении перешли на его сторону. Юрий снова уехал из Киева, а Изяслав, верный прежнему намерению, стал княжить именем Вячеслава. В 1154 году Изяслав умер; престарелый Вячеслав вызвал другого своего племянника, Ростислава Смоленского, и киевляне присягнули ему, заключив, однако, договор, что он будет чтить своего дядю Вячеслава, как делал это его покойный брат. После же смерти Вячеслава киевляне приняли Изяслава Давидовича, представителя Святославичей, но тут снова вступает Юрий, и престол в третий раз переходит к нему.

В 1157 году Юрий умирает, и киевляне, не любившие этого князя, хотя он и был Мономахович, снова зовут на киевский стол Изяслава Давидовича, но один из младших Мономаховичей, Мстислав Изяславич Владимиро-Волынский, опасаясь, что киевский стол уйдет из рук Мономаховичей, изгнал Изяслава из Киева и водворил там своего дядю Ростислава, а после смерти его в 1168 году сам занял великокняжеский престол. В то же время претендентом на старшинство является сын Юрия Андрей, которого Мстислав обошел, как раньше отец его Изяслав обошел дядю своего Юрия. Одинаковые отношения вызвали одинаковые последствия – упорную вражду. Победа в этой борьбе осталась на стороне Андрея; в 1169 году Киев был взят, а Мстислав удалился в свою Волынскую область. Киев был ограблен и сожжен, и сам победитель не остался в нем, а ушел на север...

Колонизация Суздальско-Владимирской Руси

В XII веке, когда вследствие княжеских усобиц и половецких опустошений начинается упадок Киевской Руси, неурядицы киевской жизни вызывают передвижение населения от среднего Днепра на юг и северо-восток, от центра тогдашней Руси – Киева – к ее окраинам.

На северо-востоке русские переселенцы попадают в новые места, в страну с иным географическим характером, чем Поднепровье. Особенности этой страны создают постепенно и новые черты в физическом типе колонистов, и новые социальные и экономические порядки в их быту. Занятая русскими на северо-востоке местность – это страна между верхним течением Волги и Окой. Природа здесь совершенно рознится от Днепровской: ровная, плодородная почва здесь сменяется суглинком, болотами и первобытным лесом. Хотя обилие речных вод замечается и здесь, но свойства рек различны: Южная Русь имеет большие реки, текущие в громадном большинстве к одному центру, к Днепру; в Северной Руси масса мелких речек, не имеющих общего центра, текущих по самым различным направлениям. Климат Северо-Восточной Руси вследствие обилия воды и леса суровее, почва требует больших трудов для обработки. Первоначальными жителями северо-восточной окраины были финские племена меря и мурома, о быте которых история не знает ничего достоверного. Исследователь древнейшей истории Суздальской Руси профессор Корсаков («Меря и Ростовское княжество», 1872) пробует восстановить быт мери:

1) по указаниям разных источников, так как летопись говорит о первоначальных жителях этой страны очень мало;

2) по сравнению быта теперешнего населения губерний Московской, Владимирской, Костромской и Ярославской с бытом жителей других великорусских губерний; особенности этого быта могут быть объясняемы бытом первоначальных обитателей названных губерний;

3) по сравнению данных летописи о быте мери и мурома с бытом соседних им и ныне существующих финских племен – мордвы и черемис; этнография их несколько разработана, и жизнь этих племен может с некоторой вероятностью дать основания для заключений о жизни исчезнувшей их родни;

4) по указаниям, добытым из раскопок на местах поселения мери и мурома; эти раскопки, произведенные здесь археологами Савельевым и графом Уваровым, дают ряд отрывочных правд, указаний на особенности мери и мурома. Тщательные изыскания Корсакова не привели к большим результатам; он указывает, что меря и мурома – племена финского происхождения, близкие по быту к мордве, религия их была неразвита; политической организации не существовало, не было и городов; культура была на очень низкой ступени развития; первенствующее значение принадлежало жрецам.

Колонизационное движение Руси по Волге – явление очень древнее: на первых уже страницах летописи мы встречаемся с городами Суздаlem и Ростовом, появившимися неизвестно когда. Откуда, то есть из каких мест Руси, первоначально шла колонизация в Суздальском крае, можно догадываться по тому, что Ростов политически в древности тянул к Новгороду, составляя как бы часть Новгородского княжества. Это давало повод предположить, что первыми колонистами на Волге были новгородцы, шедшие на Восток, как и все русские колонизаторы, по рекам. Против такого предположения возражали, что Новгород от Волги и рек ее бассейна отделяется водоразделами (препятствия для свободного передвижения), и указывали на различие наречий суздальского и новгородского. Но против первого положения можно сказать, что водоразделы никогда не могут задержать переселения, а второе объясняется историческими причинами: под влиянием новых природных условий, встречи с чуждым народом и языком в языке колонистов могли выработаться известные особенности. Во всяком случае, нет достаточных оснований отрицать, что первыми русскими колонистами на Суздальской Руси

могли быть новгородцы. В последнее время ученые (Шахматов, Спицын, Соболевский и другие) заново подняли вопрос о заселении Среднего Поволжья славянами и, не сходясь в деталях, однако, согласно представляют нам дело так, что славянский народный поток непрерывно стремился на северо-восток от области кривичей и, может быть, вятичей, заполняя Поволжье многими путями и изо многих мест, между которыми Новгород играл в свое время важнейшую, но, вероятно, не исключительную роль. Позднее, с упадком Киева, в XII веке, главные массы колонистов в эту область стали двигаться с юга, от Киева. Сообщение Киева с Суздальской землей в первые века русской жизни совершалось кругом – по Днепру и верхней Волге, потому что непроходимые леса вятичей мешали от Днепра прямо проходить на Оку, и только в XII веке являются попытки установить безопасный путь из Киева к Оке; эти попытки и трудности самого пути остались в памяти народа в рассказе былины о путешествии Ильи Муромца из родного села Карачарова в Киев. Со второй половины XII века этот путь сквозь вятичей устанавливается, и начинается заметное оживление Суздальского княжества, туда приливает население, строятся города, и в этой позднейшей поре колонизации замечается любопытное явление: появляются на севере географические имена юга (Переяславль, Стародуб, Галич, Трубеж, Почайна) – верный признак, что население пришло с юга и занесло сюда южную номенклатуру. Занесло оно и свой южный эпос – факт, что былины южнорусского цикла сохранились до наших дней на севере, также ясно показывает, что на север перешли и сложившие их.

Страна, в которую шли поселенцы, своими особенностями влияла на расселение колонистов. Речки, по которым селились колонисты, не стягивали поселения в густые массы, а располагали их отдельными группами. Городов было мало, господствующим типом селений были деревни, и таким образом городской быт юга здесь заменился сельским. Новые поселенцы, сидя на почве не вполне плодородной, должны были заниматься, кроме земледелия, еще лесными промыслами: угольничеством, лыкодерством, бортничеством и пр. – на это указывают и названия местностей: Угольники, Смолотечье, Деготино и т.д. В общем характере Суздальской Руси лежали крупные различия сравнительно с жизнью Киевской Руси: из городской, торговой она превратилась в сельскую, земледельческую. Переселяясь в Суздальский край, русские, как мы сказали, встретились с туземцами финского происхождения. Следствием этой встречи для финнов было их полное обрусение. Мы не находим их теперь на старых местах, не знаем об их выселении из Суздальской Руси, а знаем только, что славяне не истребляли их и что, следовательно, оставаясь на старых местах, они потеряли национальность, ассимилировавшись совершенно с русскими поселенцами как с расой более цивилизованной. Но вместе с тем и для славянских переселенцев поселение в новой обстановке и смешение с финнами не осталось и не могло бы остаться без последствий: во-первых, изменился их говор; во-вторых, совершилось некоторое изменение физиологического типа; в-третьих, видоизменился умственный и нравственный склад поселенцев. Словом, в результате явились в севернорусском населении некоторые особенности, создавшие из него особенную великорусскую народность...

Влияние татарской власти на удельную Русь

Новый порядок едва обозначился в Суздальской Руси, когда над этой Русью стала тяготеть татарская власть. Эта случайность в нашей истории недостаточно изучена для того, чтобы с уверенностью, ясно и определенно указать степень исторического влияния татарского ига. Одни ученые придают этому влиянию большое значение, другие его вовсе отрицают. В татарском влиянии прежде всего нужно различать две стороны: 1) влияние на государственное и общественное устройство Древней Руси и 2) влияние на ее культуру. В настоящую минуту нас главным образом должен занимать вопрос о степени влияния татар на политический и социальный строй. Эта степень может быть нами угадана по изменениям: во-первых, в порядке княжеского престолонаследия; во-вторых, в отношениях князей между собой; в-третьих, в отношениях князей к населению. В первом отношении замечаем, что порядок наследования княжеского стола при татарах в первом столетии их власти (1240–1340) остался тем же, каким был до татар: это родовой порядок с не редкими ограничениями и нарушениями. Великое княжество осталось неизменно в потомстве Всеволода Большое Гнездо, в линии его сына Ярослава. В течении немногим более 100 лет (1212–1328) пятнадцать князей из четырех поколений было на великокняжеском столе, и из них только три князя захватило престол с явным беззаконием, мимо дядей или старших братьев. (Сыновья Всеволода: 1) Юрий, 2) Константин, затем опять Юрий, ранее сидевший не по старшинству, 3) Ярослав, 4) Святослав; сыновья Ярослава Всеволодовича: 5) Михаил Хоробрит, захвативший силой престол у дяди Святослава мимо свои старших братьев, 6) Андрей, 7) Александр Невский, который был старше Андрея и со временем сверг его, 8) Ярослав Тверской, 9) Василий Костромской; сыновья Александра Невского: 10) Димитрий, 11) Андрей; 12) сын Ярослава Тверского Михаил; 13) внук Александра Невского Юрий Данилович; 14) внук Ярослава Тверского Александр Михайлович; 15) внук Александра Невского Иван Данилович Калита). Если мы обратимся к дотатарскому периоду, в так называемую Киевскую Русь, то увидим там однородный порядок и однородные правонарушения. Очевидно, татарская власть ничего не изменила в старом обычае передачи столов и присвоило себе лишь право санкционировать проявления этого обычая. Мало того, и этим правом своим она как будто не дорожила и не всегда спешила его осуществлять: самоуправство князей подолгу оставалось ненаказанным. Михаил Хоробрит умер, владея великокняжеским столом и не был наказан за узурпацию власти. Попранные им права дяди Святослава, санкционированные ранее татарами, не были им восстановлены даже и тогда, когда после смерти Хоробрита власть и стольные города Владимир и Киев выпросили себе племянники Святослава – Андрей и Александр. В поколении внуков и правнуков Всеволода Большое Гнездо образовалась даже такая повадка, которая явно изобличает слабость татарского авторитета и влияния; удельные князья неизменно враждовали с утвержденным татарами великим князем и старались в одиночку или коллективно – ослабить его. Александр Невский враждовал с великим князем Андреем Ярославичем, Василий Костромской – с великим князем Ярославом Тверским, Дмитрий Александрович – с великим князем Василием Костромским, Андрей Александрович – с великим князем Дмитрием Александровичем, и т.д. Татары видели все эти свары и усобицы и не думали, что их существование подрывает на Руси значение татарской власти; напротив, не следуя никакому определенному принципу в этом деле, они смотрели на ссоры князей как на лишний источник дохода и цинично говорили князю: будешь великим, «оже ты даси выход (то есть дань) больши», т.е. будешь платить больше соперника. Зная это, князья прямо торговались в Орде, даже друг с другом. Искали великого княжения Михаил Тверской и Юрий Московский, и Михаил посулил больше «выхода», чем Юрий; тогда Юрий «шед к нему, рече: отче и брате, аз слышу, яко хощещи большую дань поступити и землю Русскую погубити, сего ради аз ти уступаю отчины моя, да не гибнет земля Русская нас ради, – шедше к хану,

объвиша ему о сем; тогда даде хан ярлык Михаилу на великое княжение и отпусти я». Таким образом, татарская власть не могла что-либо установить или отменить, так как не руководилась никаким сознательным мотивом. Татары застали на Руси оттягивание родового наследования и зародыши семейно-вотчинного владения; при них продолжалось оттягивание и развивались и крепили зародыши семейно-вотчинного владения; нарушений этого процесса, давно и глубоко изменившего основы общественной организации, мы не замечаем. Во взаимных отношениях севернорусских князей в XIII и XIV веках, несомненно, происходят изменения, и по сравнению их с более древним порядком мы замечаем некоторые резкие особенности, которые многие ученые приписывают татарскому игу; но, всматриваясь внимательнее, мы убеждаемся, что причины, вызвавшие эти особенности, действовали в Русской земле и раньше татар. К этим особенностям принадлежат: 1) полное пренебрежение родовым единством; 2) передача владения от отца к сыну, иначе – начало вотчинного наследования; 3) оседание княжеских линий по волостям; князья Северо-Восточной Руси (первые: Ярослав Тверской и Василий Костромской Ярославичи), добившись великокняжеского престола, не идут из удела княжить во Владимир, а присоединяют его к своему княжеству и управляют им из своих уделов; 4) определение междукняжеских отношений договорами, в которых подробно объясняются все частности совместной деятельности и степень зависимости одного князя от другого; все исчисленные особенности суть прямое следствие того вотчинного характера, какой усвоила себе княжеская власть с самого начала своей деятельности в Суздальской земле; доверяя надзор за порядком в Русской земле старшему, великому князю, татары без призыва самих князей не имели ни повода, ни желания вмешиваться в княжеские дела; наконец, 5) отношение князей к населению не подвергалось постоянному надзору и регламентации татарской власти, определяясь тем же принципом вотчинности. Полнота княжеского авторитета могла, конечно, вырасти от того, что он опирался на татар, но существо княжеской власти оставалось то же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.